

հետևությունները: Մենագրության մեջ, սակայն, երրորդ գլուխը վերնագրելով «Ստեփանոս Նազարյանը և նրա «Հյուսիսափայլը», Ռ. Նանուժյանը հարկադրված է եղել խառնել այդ երկու գրական հուշարձանները և դրանց հետ կապված իր եզրահանգումները: Այս հանգամանքը հեղինակին խանգարել է հստակորեն ձևակերպելու Ս. Նազարյանի հայացքների բնութագրությունը նրա գործունեության երկու տարրեր փուլերում և ցույց տալու նրա ապրած էվոլյուցիան իրրև գիտնականի ու հրապարակախոսի:

Այնուհետև, խոսելով «Հյուսիսափայլի» խմբագրի աշխարհայացքի մասին, հեղինակն ըստ պատշաճի զննատույն է նրա լուսավորական գործունեությունը, առանց խորամուխ լինելու նրա քաղաքական հայացքների բնութագրման մեջ: Այս առումով ուշագրություն է դրավում Մ. Նալբանդյանի և Ս. Նազարյանի փոխհարաբերությունների քննման անավարտությունը և, մասնավորապես, նրանց տարակարծությունների հարցի անսեսումը: Մեր կարծիքով, Ռ. Նանուժյանը պետք է որոշակիորեն զննատույն Ս. Նազարյանի սոցիալ-քաղաքական հայացքները և մեկնարաններ նրա լիբերալիզմի առանձնահատկությունները: Ճիշտ է, մեր պատմական գիտության մեջ այդ պրոբլեմն սպառիչ քննել է ակադ. Ա. Հովհաննիսյանը, բայց Ս. Նազարյանին նվիրված այսպիսի հանգամանալից մենագրության հեղինակը պետք է իր խոսքն ասեր: Ա. Հովհաննիսյանի եզրակացությունների մասին և կամ ճշտումներ մտցնելու նրա համապատասխան ձևակերպումների մեջ, եթե դրա անհրաժեշտությունը բխում էր իր շարադրանքի ոգուց: Երրորդ դեպքերում հիշյալ հանգուցային հարցը չպետք է շրջանցվեր թեկուզ հենց այն պատճառով, որ Նազարյան-հրապարակախոսի աշխարհայացքի խնդիրը սերտորեն առնչվում է նրա թողած ավանդների և Անդրկովկասում բուրժուազիայի զարգացման երկրորդ փուլի, 70-ական թվականների հայ հրապարակախոսական մտքի զննատականի հետ:

«Ստեփանոս Նազարյան» մենագրության մեջ տեղ են գտել և մի շարք վրիպումներ. այսպես, աղավաղվել են որոշ հատուկ անուններ, ինչ որ չափով անփույթ է կազմվել գրքի ծանոթագրությունների բաժինը: Այս վրիպումները, սակայն, որ սոսկ խմբագրական աշխատանքի կարիք ունեն, հեշտումիամբ կշտկվեն գրքի հաջորդ հրատարակության ժամանակ: Էականն այն է, որ հայ ընթերցողը հնարավորություն է ստանում ծանոթանալու օգտաշատ այս աշխատությանը, որը սովետական տարիների առաջին մենագրական գիտական ուսումնասիրությունն է՝ հայ մեծ հրապարակախոս և լուսավորիչ Ստեփանոս Նազարյանի մասին:

ՄԱՐԳՈ ՄԵԼԻՍԵԱՆ

Բանասիրական գիտությունների թեկնածու

Г. С. САРКИСОВ, *Процессуальные меры предупреждения преступлений*, Издательство АН Арм. ССР, Ереван, 1978, 143 стр.

Предупреждение преступности—комплексная проблема, решение которой требует объединенных усилий всех субъектов социальной системы предупреждения преступности: партийных и государственных органов, предприятий и учреждений, общественных организаций, должностных лиц и граждан. Важное место среди них занимают органы дознания, предварительного следствия, прокурорского надзора и суда. «Понятно, товарищи,—говорилось в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева XXV съезду КПСС,—что мы уделяли и будем впредь уделять постоянное внимание совершенствованию деятельности милиции, прокуратуры, судов, органов юстиции, которые стоят на страже советской законности, интересов советского общества, прав советских граждан»¹.

В связи с вышесказанным актуальность исследования кандидата юридических наук Г. С. Саркисова «Процессуальные меры предупреждения преступности» не вызывает сомнений. Достоинством рецензируемой книги является, на наш взгляд, то, что будучи новым, самостоятельным исследованием, она содержит множество обоснованных научных рекомендаций, направленных на дальнейшее совершенствование законодательства республики, регламентирующего порядок выяснения в процессе расследования причин и условий совершения преступлений и принятия мер к их устранению.

¹ «Материалы XXV съезда КПСС», М., 1976, стр. 82.

Особый интерес представляет раздел монографии, в котором автор дает определение конкретной жизненной ситуации, фактора, от учета роли которого в причинном механизме преступного поведения в известной мере прямо зависит эффективность профилактической, предупредительной деятельности, а также проводит новую классификацию всех ее видов.

Анализируя все эти виды конкретных жизненных ситуаций, автор приходит к нашему взгляду, к правильному выводу, что преступление есть результат определенного рода взаимодействия объективного содержания и субъективного значения конкретной жизненной ситуации или, иначе говоря, взаимодействия объективного внешнего и субъективного внутреннего (стр. 44). Конкретная жизненная ситуация чаще всего выступает в роли повода, вызывающего у лица решимость совершить преступление или воздержаться от такового. В силу этого, отмечает он, выяснение в ходе расследования причин преступления предполагает установление той конкретной жизненной ситуации, которая, сыграв роль повода, вызвала преступление.

Что же касается соотношения условий и причин преступности, то условия, в отличие от причин, сами по себе не порождают преступления, но тем не менее их роль в причинном механизме преступного поведения очевидна и, по мнению автора, не может не учитываться, поскольку они способствуют, облегчают, делают возможным совершение преступления или достижение преступного результата (стр. 48).

Большой интерес для практики всегда представляли и представляют вопросы, связанные с изучением в процессе расследования личности обвиняемого, мотива и цели преступления. Используя достижения психологии при изучении личности обвиняемого, автор приходит к заключению, что на предварительном следствии личность обвиняемого должна изучаться в трех плоскостях: уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и криминологической. Только такой подход, по его мнению, даст богатый материал для выработки и реализации весьма эффективных мер по исправлению и переносителю лица, совершившего преступление, для «диагностики» причин данного преступления, а, следовательно, и для его «лечения», предупреждения рецидива (стр. 59).

Не менее важен и другой вывод автора: доказывая, что мотивы и цели преступления теснейшим образом связаны с различными психологическими явлениями и, в первую очередь, с интересами, чувствами и эмоциями личности преступника, он правильно, по нашему взгляду, указывает, что путь к изучению мотива и цели преступления лежит именно через изучение этих свойств личности обвиняемого (стр. 59).

Должное внимание в работе уделено анализу пределов и методики выяснения в процессе расследования причин и условий совершения преступления. Отмечая, что мнения ученых по этому вопросу расходятся, автор не только полемизирует с ними относительно их классификации, но и предлагает свои соображения по ней. Например, он считает, что всю совокупность подлежащих выяснению обстоятельств целесообразно разделить на две следующие структурные группы: обстоятельства, имеющие по делу уголовно-правовое значение, и обстоятельства, таковые не имеющие (стр. 88).

В рецензируемой книге предпринята попытка анализа (на основе изучения практического материала) проблемы непосредственного предупреждения преступлений в процессе расследования. Подробно останавливаясь на характеристике вносимых правоохранительными органами в соответствующие предприятия, учреждения и общественные организации представлений о принятии и реализации мер по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений, автор справедливо констатирует, что закон не регламентирует содержание и форму таких представлений. В целях устранения этого недостатка он предлагает при определении названия представления всегда исходить из его содержания и цели (стр. 109).

Заслуживает внимания и предлагаемая автором примерная схема или структура описательно-мотивировочной части представления. Правда, отмечая, что она не обязательна для всех представлений, он делает по этому поводу ряд интересных разъяснений. Так, по его мнению, если представление вносится в школу, где учился обвиняемый, совершивший кражу из магазина, для усиления воспитательной работы с

учащимися, то вряд ли есть надобность в нем описывать обстоятельства, способствовавшие краже, а также способ совершения и сокрытия преступлений. Автор считает, что здесь основной упор должен быть сделан на отрицательные стороны личности обвиняемого и причины, их породившие. Иную форму необходимо установить для представлений, вносимых в предприятие, откуда посторонним лицом похищены ценности. По его мнению, в таком постановлении для принятия мер к устранению благоприятствующих хищению условий вовсе нет надобности излагать причины совершения обвиняемым преступления (стр. 110).

Внимание юриста привлекают также указания автора о том, что некоторые нормы УПК нуждаются в совершенствовании в плане унификации соответствующих терминов. В ст. 55 и 211 УПК, указывает он, применен термин «выяснить» (обстоятельства, способствовавшие совершению преступления), в ст. 118 УПК — «выявить», а в ст. 134 УПК — «установить». По мнению автора, такой разницей в терминологии вряд ли оправдан. Во всех этих случаях для него правильным представляется термин «установить», поскольку термины «выявить» и «выяснить» по смыслу могут быть отнесены скорее к установочным, а не доказательным мерам (стр. 140).

В работе Г. С. Саркисова встречаются и отдельные спорные положения, недостатки. Так, например, на наш взгляд, нет смысла классифицировать жизненные ситуации и по признаку преобладания элементов социальных и природных (стр. 40). Ведь неоспорим тот факт, что в жизни часто возникают ситуации, при которых обстоятельства, характеризующие их объективное содержание, состоят почти в равной пропорции из элементов социальных и природных.

Одним из заметных пробелов работы следует признать недостаточное использование в ней материалов следственной практики органов внутренних дел. Это тем более важно, так как в исследовании, наряду с другими вопросами рассматривается деятельность лица, производящего дознание.

Однако несмотря на отмеченные недостатки, нам думается, что автор книги успешно справился с поставленной перед собой сложной задачей, создав нужное для работников правоохранительных органов исследование.

НЕРОН АПИЯН,
кандидат юридических наук